

Оригинальная статья

УДК 811.111

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-138-154>

Сущностные характеристики медиаполитического дискурса

Наталья Валентиновна Степанова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

Введение. В статье представлен обзор конститутивных признаков медиаполитического дискурса. Цель статьи – определение сущностных параметров современного англоязычного медиаполитического дискурса. Рассматриваются основные компоненты данного типа дискурса, его аксиологическая структура. Особое внимание уделяется идеологичности и манипулятивному характеру медиаполитического дискурса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выделения медиаполитического дискурса в качестве одного из разделов теории дискурса посредством системного изучения его системообразующих особенностей.

Методология и источники. Методологическая база статьи представлена отдельными положениями функционального подхода к анализу дискурса, в частности критического дискурс-анализа, а также когнитивной лингвистики, медиадискурса, медиалингвистики, мультимодального подхода к исследованию дискурса. Основным методом является аналитический научный обзор отечественных и зарубежных трудов по теории дискурса.

Результаты и обсуждение. Согласно результатам обзора основными компонентами медиаполитического дискурса являются политическая тематика, политические акторы, политический язык, а также средства массовой информации, опосредующие коммуникацию в рамках медиаполитического дискурса. К числу фундаментальных характеристик медиаполитического дискурса относятся идеологичность, манипулятивность, персуазивность, эмоциональность, поликодовость, информативность, динамичность, театральность. Сетевой медиаполитический дискурс, как и сетевой дискурс вообще, характеризуется гибридностью, стилистической неоднородностью, креолизированностью, многоканальностью и диалогичностью и предполагает дистантное интерактивное и иммерсивное общение виртуальных собеседников. Очевиден более высокий уровень актуализации, оперативности и информативности сетевого медиаполитического дискурса по сравнению с традиционными СМИ. Новые медиа дополняют традиционные медийные задачи новыми функциями. Аксиологический ореол текста, под которым подразумевается весь набор ценностей, представленных в тексте, оказывает решающее воздействие на интерпретацию идеологической позиции автора и способствует усилению суггестивности медиаполитического текста.

Заключение. Основной функцией медиаполитического дискурса можно считать конструирование в данном типе дискурса коллективной политической реальности. Медиаполитический дискурс представляет собой конструкт, обладающий конститутивной силой и участвующий в создании социальной реальности. Медиаполитическая картина мира конструируется посредством трансляции определенных образов, смыслов, идеологии, ценностей и политических взглядов. Исходя из таких особенностей медиаполи-

© Степанова Н. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



тического дискурса, как поликодовость и многоуровневость представляется целесообразным рассматривать этот тип дискурса с позиции мультимодальности.

Ключевые слова: медиаполитический дискурс, сетевой медиаполитический дискурс, медиадискурс, медиатекст, идеологичность, персуазивность, мультимодальность

Для цитирования: Степанова Н. В. Сущностные характеристики медиаполитического дискурса // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 138–154. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-138-154.

Original paper

Essential Characteristics of Media Political Discourse

Natalia V. Stepanova

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

Introduction. The article presents an overview of the constitutive features of media political discourse. The aim of the article is to determine the essential parameters of modern English-language media-political discourse. The main components of this type of discourse, its axiological structure are considered. Special attention is paid to the ideological and manipulative nature of media political discourse. The relevance of the study is conditioned by the necessity of singling out media political discourse as one of the sections of discourse theory through the meticulous study of its system-forming features.

Methodology and sources. As a methodological basis, the article uses some ideas of the functional approach to discourse analysis, in particular, critical discourse analysis, as well as cognitive linguistics, media discourse, medialogistics, multimodal approach to the study of discourse. The main method is an analytical scientific review of Russian and foreign works on discourse theory.

Results and discussion. According to the results of the review, the main components of media political discourse are political topics, political actors, political language, and, mainly, mass media that mediate communication within the framework of MPD. The fundamental characteristics of media political discourse include ideology, manipulateness, persuasiveness, emotionality, polycodicity, informativeness, dynamism, and theatricality. Virtual media-political discourse, as well as Internet discourse in general, is characterized by hybridity, stylistic heterogeneity, creolization, multichannel and dialogicality, and involves remote interactive and immersive communication of virtual interlocutors. A higher level of actualization, timeliness and informativeness of online media-political discourse compared to traditional media is evident. New media supplement traditional media tasks with new functions. The axiological halo of the text, which means the whole set of values presented in the text, has a decisive impact on the interpretation of the author's ideological position and contributes to the strengthening of the media political text's suggestiveness. Based on the definition of such features of media political discourse as polycode and multilevel, it seems most effective to consider this type of discourse from the position of multimodality.

Conclusion. The main function of media political discourse can be considered the construction of collective political reality in this type of discourse. Media political discourse is a construct that has constitutive power and participates in the construction of social reality. The media political picture of the world is constructed through the broadcasting of certain images, meanings, ideological attitudes, values and political preferences.

Keywords: media political discourse, virtual media political discourse, media discourse, media text, ideology, persuasiveness, multimodality

For citation: Stepanova, N.V. (2025), "Essential Characteristics of Media Political Discourse", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 138–154. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-138-154 (Russia).

Введение. Цель настоящей статьи состоит в выявлении сущностных параметров медиаполитического дискурса в современной лингвистике на основании обзора научных исследований в области дискурсологии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выделения медиаполитического дискурса (МПД) в качестве одного из разделов теории дискурса посредством системного изучения его системообразующих особенностей, а также релевантностью определения наиболее подходящих для изучения этого типа дискурса подходов и инструментов. Сложность и объемность рассматриваемого явления порождает множество трудов, посвященных его исследованию, а также разнообразие мнений относительно его природы и характера функционирования. В связи с этим работы, ориентированные на систематизацию существующих подходов к интерпретации МПД, видятся особенно востребованными. Исследование МПД позволяет эксплицировать идеологические и функциональные зависимости, возникающие при взаимодействии медиадискурса с другими политическими институтами. Обращение к МПД становится более релевантным в связи с интенсификацией медиатизации политики [1, с. 220].

Характерные особенности медиаполитического дискурса определяются в первую очередь его основной интенцией, которая состоит в информировании массового зрителя посредством субъективной интерпретации фактов с целью воздействия на него и создания в его сознании определенной картины действительности, в чем заключается манипулятивная составляющая МПД как инструмента достижения основной цели политического дискурса – завоевания и удержания власти. Несмотря на то, что политическая тематика текстов СМИ по сути своей не ограничена, все они созданы для популяризации мнений и позиций сторон, так или иначе стремящихся к власти. Борьба за власть как одна из основополагающих интенций политического дискурса проявляется в агональности медиадискурса [2, с. 34], заключающаяся в дискуссионном или идеологическом противоборстве сторон.

Методология и источники. Методологической базой исследования выступают работы российских и зарубежных ученых в области медиадискурса, медиалингвистики, политического дискурса, политической лингвистики, когнитивной лингвистики, лингвоаксиологии, стилистики: R. Wodak, В. И. Карасика, Т. Г. Добросклонской, М. Р. Желтухиной, В. А. Марьянчик, О. Ф. Русаковой, О. Г. Орловой, О. В. Сулиной и др.

На первом этапе исследования в фокусе внимания находятся характеристики МПД, определяющие его сущность и детерминирующие его функционирование. На втором этапе рассмотрению подвергается аксиологическая природа и функции данного типа дискурса. Третий этап включает анализ манипулятивного потенциала МПД. Наконец, на завершающем этапе исследования осуществляется обзор мультимодального подхода к дискурсу и обосновывается целесообразность его применения при изучении медиаполитических текстов (МПТ). Отдельное внимание уделяется определению конститутивных признаков сетевого МПД.

Отметим, что в предыдущей статье [3] были рассмотрены предпосылки становления МПД как обособленного раздела теории дискурса, синтезирующего политический и медиадискурс, а также был выполнен обзор подходов к интерпретации и исследованию МПД в современной лингвистике.

Результаты и обсуждение. *Сущностные параметры МПД.* О. Г. Орлова рассматривает компоненты МПД, в числе которых политическая тематика, политические акторы (агенты и клиенты МПД), политический язык, а также главным образом средства массовой информации, опосредующие коммуникацию в рамках МПД. К МПД, таким образом, относятся тексты, распространяемые СМИ, в том числе в контексте интернет-дискурса информационными агентствами и блогерами, имеющими массового читателя [4, с. 58].

Специфика МПД преимущественно заключается в том, что он, являясь гибридным типом дискурса, сочетает в себе характерные черты политического и медидискурса. МПД, представляя собой разновидность институционального политического дискурса, заимствует из него такие особенности, как актуальность, прагматическая направленность, информативность, регулятивность, манипулятивность, социальная оценочность, интертекстуальность [5, с. 7]. К сущностным параметрам современного медийного пространства относятся поликодовость, мультимодальность, семиотическая осложненность, обусловленная тенденцией ко все большей визуализации информационного потока. Таким образом, большая часть МПД сочетает в себе различные знаковые системы [6, с. 653].

Согласно справедливому замечанию О. Г. Орловой, МПД – дискурс характеризующийся динамичностью, которая проявляется в оперативном пополнении языка новыми единицами «ввиду динамичности самого политического процесса», идеологичностью – высокий процент единиц с идеологическим компонентом, смысловой неопределенностью, размытостью семантических границ. Два последние свойства автор объясняет тем, что политические деятели склонны использовать эвазивную стратегию (по О. Г. Орловой – стратегию ухода от обещаний и ответственности). К характеристикам языка и стиля жанров МПД относятся: персуазивность, оценочность, а также в группе агональных жанров – агрессивность стиля (метафора войны, инвективная лексика, единицы милитаристского и криминального дискурса, маркеры «своих» и «чужих» и др.) [4, с. 68].

По мнению В. А. Марьянчик, основные функционально-стилевые параметры МПД включают актуальность, прагматическую направленность, установку на новизну формы и содержания, информативность, стереотипность, социальную мозаичность, персонализацию автора, жаргонизацию и инвективизацию, ироничность и сарказм как модальные доминанты [7, с. 14]. Ю. Ю. Суханов отмечает такие свойства политического дискурса, как авторитарность, информативность, динамичность, институциональность и театральность [8, с. 148]. Помимо перечисленных параметров для МПД характерны публичность, массовая направленность, групповая соотнесенность и инсценированность дискурса [9, с. 34].

Контентообразование современных медиаполитических текстов отличается технологичностью, при которой концептуальная информация текста включает набор идей, базирующийся на определенных категориях и созданный при помощи специально отобранных языковых средств. К таким категориям С. В. Иванова относит прецедентность, ценностность и оппозицию «свой–чужой». В медиаполитическом дискурсе ценностность и прецедентность подчиняются оппозиции «свой–чужой» и при этом направлены на её реализацию [10, с. 30–31]. Н. С. Ширяев также обращает внимание на такие категории, свойственные медиаполитическим текстам, как прецедентность, ценностность, диалогизация и идеологичность и раскрывает их сущность. Под прецедентностью следует понимать воспроизво-

димось явлений культуры в языковой форме, интертекстуализацию культурных феноменов. Медиаполитический текст содержит упоминания об исторических событиях и реалиях, создающих лингвокультурное пространство, к которому он относится. Использование прецедентных феноменов является эффективным средством обращения к культурной идентичности аудитории, что помогает разграничивать окружающий их мир на «своих» и «чужих» [10, с. 31]. С понятием прецедентности медиаполитического дискурса связано понятие ценностности, под которым понимаются устойчивые прецеденты, отражающие в общем виде опыт лингвокультурного сообщества, регламентирующие его жизнь и придающие положительную или отрицательную оценку известным обществу элементам действительности [11, с. 34]. Заметим, что медиаполитический дискурс обращается к привычным или значимым для социума концептам, при этом наблюдается прямая пропорциональная зависимость между ценностью упоминаемого объекта и частотой его упоминания [10, с. 32].

Стоит отметить, что для МПД характерна интерактивность и взаимодействие говорящего и аудитории, исходящие из такой особенности этого типа дискурса, как ориентация на массового зрителя [2, с. 36]. Политический дискурс, обращение к широким массам, которое осуществляется через монолог, обретает возможность воздействовать на зрителя и получать отклик активнее, благодаря интерактивным форматам, которые предлагают современные СМИ (диалог зрителей из зала с приглашенным гостем, присутствие живой аудитории на политических ток-шоу).

К базовым характеристикам медиаполитического дискурса относится дидавторизованность – позиция, при которой журналист выступает не от своего имени, а от лица определенного политика, транслируя его образ. При этом журналист продолжает исполнять роль медиатора между властью и аудиторией и, таким образом, смягчает агрессивный характер политической коммуникации [2, с. 39–40].

Сближение медийного и политического дискурсов обусловлено присущей им идеологичностью. Идеологичность политического дискурса объясняется разными точками зрения по принципиальным вопросам у борющихся за власть сторон. Соблюдение принципа объективности при освещении событий в СМИ оказывается фактически невозможным из-за человеческого фактора – собственного мнения журналиста и разного рода установок. Это утверждение является особенно верным в отношении политических СМИ, поскольку они опираются на сформулированные властью идеологические установки.

При написании медиаполитических текстов выбор языковых средств детерминирован факторами этнокультурного порядка, что реализуется в синтаксисе, семантике и прагматике [10, с. 30]. Так, изменение системы координат – от традиционной лингвистической парадигмы к лингвокультурологической – способствует полноценному лингвокультурологическому представлению медиаполитического дискурса. С. В. Иванова отмечает, что в рамках медиаполитического дискурса идет борьба между двумя противоположными политико-социокультурными тенденциями – интеграционными и центробежными. Медиаполитический текст одновременно отражает стремление современного общества к глобализации и этнокультурную специфику конкретного лингвокультурного сообщества [10, с. 32].

Аксиологическая структура МПД. В. И. Карасик выделяет два основных социолингвистических типа дискурса: личностный (персональный) и статусно-ориентированный.

Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т. е. речевое взаимодействие представителей разных социальных групп и институтов друг с другом. Институциональный дискурс трактуется как «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [12, с. 191]. Институциональный дискурс предполагает учет конкретных категорий: участников общения, хронотопа, тематики текстов и их жанра, целей, стратегий, дискурсивных формул, прецедентных феноменов. В каждом типе институционального дискурса можно выделить определенные ценности, демонстрируемые его субъектами. С. Х. Липириди подчеркивает, что аксиологическое поле является частью ментального поля и состоит из элементов – ценностей отдельного человека и социума. В аксиологическом поле каждого дискурса выделяются определенные ценности, демонстрируемые данным дискурсом. Аксиологическое поле состоит из субполей, которые репрезентируют культурные ценности [13, с. 207].

В. А. Марьянчик занимается изучением аксиологической структуры МПТ. С точки зрения исследовательницы, аксиологическая структура МПТ подчинена основной цели данного типа дискурса – «формированию мировоззрения и управлению политическим поведением адресата» [14, с. 152]. Автор вводит понятие *аксиологического ореола текста*, под которым подразумевается весь набор ценностей, которые представлены в тексте как на уровне содержания, так и с точки зрения формы [14, с. 152]. Так, к ключевым компонентам формы медиаполитического текста, обладающим ценностным потенциалом (идеологические, интеллектуальные, эстетические ценности), можно отнести: авторство текста и транслируемый образ автора, лингвистическую форму текста в совокупности с пара- и экстралингвистическими факторами, а также жанр произведения. Эти компоненты связаны друг с другом и с содержанием медиатекста [14, с. 156]. Аксиологический ореол текста оказывает решающее воздействие на интерпретацию идеологической позиции автора и способствует усилению суггестивности МПТ. При этом происходит осознанное и целенаправленное влияние на картину мира массовой аудитории, приводящее к *конструированию новой, параллельной реальности* [14, с. 152].

Т. Н. Ефименко рассматривает реализацию оценки в МПД и справедливо, на наш взгляд, полагает, что формирование общественного мнения и воздействие на общественное сознание осуществляется в МПД главным образом в экспрессивном регистре. Также исследовательница указывает, что оценивание в МПД может быть как групповым, так и индивидуальным, поскольку коллективная оценка нередко определяет индивидуальное восприятие конкретного адресата медиатекста. Важно отметить и зависимость оценки от ценностной картины мира человека, т. е. от когнитивного плана дискурса, который является промежуточным звеном между социальной практикой и дискурсивными структурами [15, с. 20].

Манипулятивный характер медиаполитического дискурса. СМИ представляют собой площадку для порождения и воспроизведения институциональных видов дискурса, одним из которых является МПД. Институциональность характеризуется набором типичных ситуаций общения и моделей речевого поведения при исполнении социальных ролей, определенной тематикой общения и специфическим набором интенций и речевых стратегий. В связи с этим важно отметить, что тексты МПД порождаются журналистами не как незави-

сими личностями, а прежде всего как представителями конкретных средств массовой информации. Исследование МПД позволяет обнаружить, что в медиатекстах транслируемые ценности нередко доминируют над фактами, эмоции подвергаются интенсификации, воздействие и оценочность превалируют над информированием. Таким образом, эмоциональный аспект в МПД нередко оказывается доминантным [16, с. 154].

В связи с этим многие исследователи в качестве одной из фундаментальных характеристик МПД отмечают тенденцию к повышенной эмоционализации дискурса, когда масс-медиа используются как инструмент пропаганды для формирования идеологических установок. Так, например, эмоциональный характер МПД подчеркивает Р. Водак, исследующая роль страха как базовой эмоции в политическом дискурсе: страх потери работы, страх «чужого» (например, мигрантов), глобализации и потери национальной автономии, роста национализма и шовинизма, страх отойти от традиционных ценностей, климатических изменений, страх финансового кризиса [17, р. 3].

Глубинный анализ МПД позволяет выделить два преобладающих типа ситуаций: с одной стороны, это ситуации открытой «информационной войны», в рамках которой применяются как вербальные, так и невербальные средства осуществления манипулятивной дискурсивной стратегии. С другой стороны – стандартные медиадискурсивные ситуации, в которых процесс информирования трансформируется в традиционное манипулирование. Разделение этих ситуаций необходимо по причине того, что в первом случае намерение автора воздействия очевидно для адресата, в то время как во втором случае это намерение маскируется при помощи различных лингвистических средств и не всегда распознается аудиторией. Медиатексты, в дискурсивном пространстве которых разворачивается «информационная война», интересны с точки зрения исследования «дискурса вражды» и тем более интуитивно понятны. Второй тип текстов представляется более сложным для медиалингвистического анализа, поскольку исследователь не всегда способен отследить нюансы манипулятивной стратегии, тщательно вуалируемые автором дискурса [18, с. 182].

Стоит отметить, что манипулятивность выражается в использовании определенных лингвистических приемов, оказывающих воздействие на адресата для достижения скрытой цели говорящего. При этом эффективная манипуляция предполагает внушение уверенности в самостоятельности решений, принимаемых реципиентом. Для реализации манипулятивной стратегии в рамках МПД используются персуазивность и суггестивность. Персуазивное воздействие основано на рассуждениях и доводах, в то время как суггестивное воздействие не имеет логических аргументов и апеллирует к эмоциям адресата [19, с. 54]. Суггестивность предполагает неосознанное и произвольное восприятие смысла сообщения. Таким образом, отличительным свойством суггестивности является ослабленный контроль или его отсутствие со стороны сознания при получении информации. Наиболее эффективным способом манипулирования является наложение персуазивных приемов на суггестивные. Применение суггестивной тактики на начальном этапе позволяет ввести адресата в психологическое состояние, необходимое для дальнейшего восприятия аргументов и достижения нужного эффекта от использования персуазивных тактик. Манипулятивный потенциал МПД реализуется через особенности передачи информации: к компонентам коммуникативной схемы в политическом дискурсе (политику и общественности) добавляется посредник

в виде СМИ [20, с. 36], что влечет за собой изменения в интерпретации фактов и информационной составляющей сообщения. Политический журналист, являющийся основным участником коммуникации в МПД [21, с. 67], преследуя цель развлечь массового зрителя, прибегает к более экспрессивным видам презентации информации, при этом обнаруживая тенденцию упрощения и нивелирования серьезности политической риторики [20, с. 36]. Стремясь преподнести вопросы политической повестки наиболее увлекательно и зрелищно для аудитории, акторы СМИ нередко прибегают к искажению первоначальных фактов и транслированию собственной субъективной позиции. Во всем многообразии точек зрения и политических позиций для зрителя более релевантной становится не объективность и истинность высказываний, а их подлинность и актуальность для представителя власти или журналиста. Е. В. Егорченкова выделяет *критерий управления информацией* как особенность МПД, позволяющий акторам дискурса структурировать жизненный опыт аудитории и определять ее взгляды на жизнь [22, с. 25].

Манипулятивная природа МПД определяет одну из его главных функций – *формирование коллективной политической картины мира* у адресата, которая, по мнению О. Ф. Русаковой, является основной функцией этого типа дискурса. Медиполитическая картина мира конструируется «посредством выработки и трансляции определенных образов и смыслов, мифологем и идеологических установок, ценностных ориентиров и политических предпочтений» [23, с. 67]. Среди прочих функций МПД выделяют коммуникативную, побудительную, эмотивную, фатическую [10, с. 133], а также воздействующую, просветительскую, развлекательную, контролирующую и социализирующую.

Мультимодальность как аспект коммуникации в медиаполитическом дискурсивном пространстве. В медиаполитическом дискурсе, жанры которого отличаются зрелищностью и спонтанностью, информация презентуется одновременно посредством аудиального и визуального каналов, при этом адресат сообщения получает информацию, декодируя знаки сразу нескольких семиотических систем. Вербальные, невербальные, кинесические, просодические знаки аудиовизуального контента, а также возможные дополнительные аудио-, видео- или графические элементы воспринимаются зрителем симультанно. Поликодовость медиадискурса является не только особенностью актуализации информации, но и средством реализации персуазивности в дискурсе [24, с. 202]. Р. Т. Садуов предлагает определять поликодовость дискурса как комплекс лингвокогнитивных механизмов, воздействующих на разные каналы восприятия посредством нескольких кодовых систем, в результате чего создается «стереофонический» эффект присутствия и вовлеченности [25, с. 22]. Помимо поликодового характера МПД можно говорить и о его многоуровневости. Согласно Ю. В. Данюшиной, многоуровневый и многоаспектный характер дискурса определяется уровневой системой языка и многоаспектной природой дискурса, совмещающей лингвистические и экстралингвистические факторы [26, с. 5].

Исходя из определения таких свойств медиаполитического дискурса, как поликодовость и многоуровневость, *рассматривать данный тип дискурса представляется наиболее эффективным с позиции мультимодальности.* Стоит отметить, что в теории коммуникации на данный момент не существует единой интерпретации мультимодальности, однако в общих чертах это понятие определяется как «направление в теории коммуникации и социаль-

ной семиотике, которое рассматривает процесс коммуникации как набор текстовых, звуковых, пространственных и визуальных средств или режимов для создания сообщения» [27, с. 2] или «текстуальная комбинация различных методов и их интеграция с точки зрения структуры, семантики дискурса и риторической функции в контексте социального(взаимо-) действия» [28, с. 50].

Семиотика рассматривает все явления и процессы, которые можно представить как знак, следовательно, семиотическими каналами передачи и восприятия информации (или, модальными параметрами) в рамках мультимодальности коммуникации являются не только вербальный, но и аудиальный, визуальный и соматосенсорный (пространственный и телесный) каналы [29, с. 51]. Т. Стиверс и Дж. Сиднелл понимают мультимодальность (*multiple modality*) как сочетание и наложение друг на друга в одном сообщении семиотической, речевой и визуально-пространственной модальностей [30]. Все знаки, существующие в рамках этих семиотических систем, в условиях равноценности сенсорных уровней и непрерывности взаимодействия субъектов коммуникации воспринимаются адресатом сообщения одновременно посредством одновременного задействования всех возможных каналов восприятия последнего. Симультианность декодирования сообщения является одним из важнейших аспектов мультимодальности, поскольку вследствие этой особенности получателю сообщения необходимо быстро интерпретировать аудиовизуальные сигналы, что замедляет когнитивную составляющую анализа сказанного. В таких условиях средства актуализации информации на различных модальностях сообщения не могут восприниматься обособленно, в отдельности от других, что, в свою очередь, увеличивает воздействующий потенциал сообщения.

Такие свойства текста, как темпоральность (изменение текста во времени), мутабельность (изменяемость текста в зависимости от адресата) и эргодичность (зависимость смысла сообщения как от автора, так и от адресата) [31, с. 61], особенно характерные для текстов медиадискурса, также способны осложнить процесс интерпретации сообщения в рамках мультимодальности коммуникации.

Одним из важнейших аспектов в понимании функционирования различных уровней модальности в одном сообщении является коммуникативная ситуация, являющаяся экстралингвистическим фоном самих речевых актов. Мультимодальность коммуникации стоит рассматривать с разных точек зрения в зависимости от ее специфики, определяемой ее динамичностью, характером графических изображений, длительностью и уровнем интерактивности адресата [32, с. 95]. Дж. Бейтман, Дж. Уилдфер и Т. Хиппала классифицируют сферы исследования мультимодальности следующим образом: коммуникативные ситуации, развертывающиеся во времени без определенного сценария; коммуникативные ситуации, развертывающиеся во времени и имеющие определенный сценарий; коммуникативные ситуации, использующие статичные «полотна», которые предполагают развертывание в пространстве и материальный носитель информации; коммуникативные ситуации, использующие статичные «полотна», которые предполагают темпоральное развертывание в пространстве и материальный носитель информации; коммуникативные ситуации, развертывающиеся и во времени, и в пространстве, и предполагающие действия и реакции адресата [32, с. 96].

Смысловые компоненты сообщения могут подвергаться анализу на разных уровнях в аспекте комплексной мультимодальности. Ю. В. Сорокина выделяет микроуровень (деле-

ние на отдельные коды и выявление различных семиотических потенциалов и ресурсов), мезоуровень (интеркодовые процессы элементов микроуровня и их изменение общего смысла сообщения) и макроуровень, имеющий более широкие границы рассмотрения, такие как жанр или тип дискурса [33, с. 169], причем макроуровень является более широким понятием по отношению к компонентам микро- и мезоуровней. С точки зрения методов анализа разных кодов сообщения выделяют количественный, качественный и комбинаторный методы, использование которых зависит от намерений исследователя [33, с. 169]. Перечисленные понятия мультимодальности служат для понимания системной сложности всех семиотических уровней коммуникации и объясняют *необходимость интегрированного анализа* всех смысловых компонентов в актуальных медиаполитических текстах с целью интерпретации коммуникативных практик и интенций субъекта речи в дискурсе.

Конститутивные признаки сетевого МПД. Роль сети Интернет в формировании актуальных дискурсивных практик и в конструировании медиапространства несомненна. Разнообразие жанров онлайн-коммуникации обнаруживает новые свойства и качества языковой системы. Следовательно, особо востребованной становится проблема анализа дискурсивного поведения субъектов сетевого медиадискурса, а именно журналистов и блогеров, информирующих широкую аудиторию и оказывающих на нее речевое воздействие [34, с. 217–218].

Сетевой МПД, так же как сетевой дискурс в целом, характеризуется гибридностью, стилистической неоднородностью, креолизированностью, анонимностью, многоканальностью и диалогичностью и может быть интерпретирован как совокупность текстов, функционирующих в искусственно смоделированном языковом пространстве, предполагающем *дистантное интерактивное и иммерсивное* общение виртуальных собеседников. Сетевое пространство выполняет функцию среды, в которой постоянно возникают новые жанры и жанровые форматы, обладающие различной степенью интерактивности. Одной из главных характеристик сетевого дискурса является его жанровая организация, имеющая полевую структуру, в составе которой выделяются прототипические (дискурсообразующие) и дискурсоприобретенные жанры. Ведущей особенностью жанров сетевой коммуникации является присущая им подвижность и прагматическая открытость, которые способствуют возникновению в системе уже существующих сетевых жанров обширной категории новых разновидностей/форматов [35, с. 53].

Одним из важнейших признаков сетевого дискурса является полидискурсивность. В виртуальном пространстве представлены различные виды дискурса – политический, экономический, академический и др. Дискурсы связаны между собой разветвленной гипертекстовой сетью ссылок и указателей. Такое переплетение наделяет виртуальный дискурс полидискурсивностью. Благодаря полидискурсивности виртуальный дискурс является основой любых других дискурсивных практик в сети Интернет, а также условием и возможностью их существования. Полидискурсивность виртуального дискурса усиливает взаимное проникновение и влияние текстовых систем друг на друга [36, с. 55].

Л. М. Гриценко обозначает сетевой (виртуальный) дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности» [37, с. 9]. Автор полагает, что своеобразие сетевого дискурса проявляется в специфике его конститутивных признаков, которые выявляются через описание таких дискурсивных параметров, как: 1) *особый вид канала связи* – техническая

опосредованность; 2) *коммуникативная цель*: сетевой дискурс характеризуется целевым многообразием (поиск, распространение, обсуждение, хранение информации, общение, развлечение и др.); 3) *тип коммуникантов*: для многих жанров сетевого дискурса характерна анонимность, определяющая статусное равноправие коммуникантов и ведущая к стиранию социальных, гендерных, возрастных и др. признаков; 4) *хронотоп*: хронотоп сетевого дискурса амбивалентен по своей природе, поскольку коммуниканты находятся одновременно в двух локально-временных позициях – виртуальной и реальной. Виртуальность пространства и возможность асинхронной коммуникации стирает определенные ограничения и расширяет рамки коммуникации; 5) *жанровая организация дискурса*: сетевой дискурс открывает принципиально новые возможности интеракции, становится своеобразной жанропорождающей средой, включающей жанры, существующие в других коммуникативных сферах, а также способствует возникновению новых, свойственных только интернет-дискурсу, жанров. Жанры интернет-дискурса дифференцируются на монологические и диалоговые, общеинформационные, научно-образовательные, художественно-литературные, деловые и коммерческие жанры и др.; 6) *дискурсивная картина мира*: картина мира, создаваемая в рамках сетевого дискурса, характеризуется многообразием, обусловленным особенностями жанров сетевого дискурса, в которых он реализуется. Таким образом, в основе исследования картины мира лежит анализ жанра, выстраивающего ее; 7) *языковое воплощение*: отсутствие визуального контакта определяет стремление коммуникантов описательно передать эмоциональность, экспрессивность, интонационную сторону общения. Обозначив специфику конститутивных признаков виртуального дискурса, Л. М. Гриценко делает вывод, что сетевой дискурс, правомерно сосуществующий с другими дискурсивными типами, обладает определенным набором специфических черт, отличающих его от других дискурсов, но в то же время является одной из дискурсивных сфер, формирующих общее национальное коммуникативное пространство, отражающее особенности менталитета, социокультурных установок, норм, ценностей [37].

Важно отметить, что МПД воплощает результат «не только интерференции политического и медийного дискурсов, но и гибридизации социально-коммуникативных признаков, свойственных, кроме названных исходных дискурсивных практик, электронной коммуникативной среде». МПД как разновидность дискурсивной практики отличается «скрещиванием, объединением и гармоничным слиянием социально-коммуникативных признаков политического и медийного дискурсов, таких как открытая социальная оценочность и «фрагментированная картина мира»». К гибридным признакам МПД можно отнести креолизованность, равностатусность партнеров, желательность контактов и экспрессивность, приобретенные МПД в электронной среде [38, с. 7].

Влияние сетевого МПД интенсифицируется с дальнейшим распространением цифровизации. Так, посты в блогах политических и общественных деятелей, журналистов становятся источником информации и эффективным инструментом воздействия на массовую аудиторию. Современные технологии оказывают влияние на функционирование традиционных СМИ и приводят к появлению новых видов медиа. Блогинг в медиаполитическом дискурсивном пространстве получает широкое распространение в силу своей доступности, гибкости, мультимедийности, а также персонализированности, определяющей востребованность исследований субъективной модальности в сетевом МПД [39].

О. Ф. Русакова рассматривает проблему виртуальной политической реальности, уточняя, что «с развитием информационной политической среды существенно увеличивается властный потенциал медиадискурса. Обладая силой виртуализации политической реальности, медиадискурс превращает политику в символический идеологический конструкт» [23, с. 67]. Виртуальная картина политической реальности представляет собой также и политическую медиареальность, во многом более привлекательную для аудитории, чем реальность политического опыта [23, с. 67]. К основным медийным конструктам, формирующим виртуальную политическую реальность, относятся события, новости и медиа-образы (имиджи) политических субъектов и институтов [23, с. 68]. Поскольку Интернет-дискурс характеризуется такими чертами, как мультимедийность, жанровая неоднородность, высокая интерактивность, гиперконтекстуальность очевиден более высокий уровень актуализации, оперативности и информативности сетевого МПД по сравнению с традиционными СМИ.

По мнению М. Г. Житарюк, новые медиа сочетают в себе три вида традиционных СМИ (печать, радио и телевидение) и, таким образом, в условиях политических изменений «творят современный культурный феномен на основе диалога между адресантом и адресатом с последующей заменой ролей» [40, с. 190]. Новые медиа дополняют традиционные медийные задачи образовательной, мобилизационной, адресно-ориентированной функциями [40, с. 189]. К свойствам интернет-коммуникации автор относит скорость доставки сообщений, высокую степень дублирования, массовость и мобильность, которые дают возможность выступить в роли журналиста не только профессионалу, но и любителю. Информация при этом становится достоянием общественности в доли секунды. Также в условиях сетевого МД трансформации подвергаются языковые символы, происходит сокращение лексического запаса, отмечается применение инвективов, нацеленных на упрощение восприятия, неограниченно используется жанр фоторепортажа [40, с. 190]. Т. Л. Каминская полагает, что блогеры участвуют в трансформации медиаполя, являясь источником информации и агентами продвижения медиа в социальных сетях, оказывая влияние на информационную картину дня. Онлайн-медиа обращаются к сотрудничеству с блогерами в различных проектах [41, с. 191].

Заключение. Многие исследователи в качестве основной функции медиаполитического дискурса выделяют конструирование в данном типе дискурса новой, параллельной политической реальности, что соответствует общему толкованию дискурса (в рамках функциональных подходов и, в частности, критического дискурс-анализа) как конструкта, обладающего созидательной силой и участвующего в конструировании социальной реальности. Можно говорить о формировании медиаполитической картины мира, конструируемой посредством трансляции определенных образов, смыслов, идеологических установок, ценностных ориентиров и политических предпочтений. Принципиальная поликодовость и многоаспектность МПД создают предпосылки для исследования данного типа дискурса с точки зрения мультимодальности интеракции. Такой подход позволяет рассматривать МПД как комплексный многомерный феномен как на собственно лингвистическом, так и на лингвокогнитивном уровне дискурса, учитывая при этом различные когнитивные составляющие объемной медиополитической картины мира как промежуточного звена между социальной практикой и дискурсивными структурами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулина О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестн. ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2014, № 1. С. 217–222.
2. Гунькова Д. Е. Дискурсивная личность американского политического комментатора-радиоведущего: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2022.
3. Степанова Н. В., Курганская Е. В. Медиаполитический дискурс: концепции и подходы к исследованию // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-86-99.
4. Орлова О. Г. Жанры политического медиадискурса // Вопросы журналистики. 2020. № 7. С. 56–73. DOI: 10.17223/26188422/7/4.
5. Марьянчик В. А. Медиа-политический текст: сценарии, нормы, стереотипы. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2011.
6. Ремчукова Е. А., Апостолиди А. А. Малоформатные медиатексты «новостного потока» в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 3. С. 651–668. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668.
7. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Северный (Арктический) фед. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2013.
8. Суханов Ю. Ю. Специфика политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-1 (71). С. 147–149.
9. Желтухина М. Р. О содержании дискурса масс-медиа // існик ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2007. № 11 (128). Ч. 1. С. 27–40.
10. Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. №1 (24). С. 29–33.
11. Ширяев Н. С. Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2017.
12. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
13. Липириди С. Х. Аксиологическое поле туристического дискурса (на материале английских неологизмов) // Известия ВГПУ. 2020, № 2. С. 206–212.
14. Марьянчик В. А. Аксиологический потенциал формы медиаполитического текста, реализация оценки в медиаполитическом дискурсе // Вестн. НГУ. Сер. История. Филология. 2015. Т. 14, № 6: Журналистика. С. 151–156.
15. Ефименко Т. Н. Реализация оценки в медиаполитическом дискурсе // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. 2019. N 5. С. 29–39. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-29-39.
16. Желтухина М. Р. Современный медиадискурс и медиакультура воздействия // Верхневолжский филолог. вестник. 2016. № 4. С. 154–159.
17. Wodak R. The Politics of Fear. What Right-Wing Populist Discourses Mean, 1st ed. London: Sage Publications Ltd, 2015. DOI: 10.4135/9781446270073.
18. Гришаева Л. И. Как в медиадискурсе информирование становится манипулированием // Вестн. МГЛУ. Гуманитарные науки. 2015. № 6 (617). С. 179–190.
19. Исмаилова О. И. Языковые средства реализации деструктивных речевых стратегий в российском и британском медиаполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 54–59. DOI: 10.26170/pl19-03-06.
20. Добросклонская Т. Г. Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований // Язык и социальная динамика. 2014. № 14-1. С. 106–115.
21. Пескова Е. Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2 (16). С. 26–31.

22. Егорченкова Н. Б. Стратегический потенциал мультимодальной интеракции в медиа-политическом дискурсе // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2014. № 5 (31). С. 24–37.
23. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 65–76.
24. Якоба И. А. Моделирование воздействия механизмов поликодowości гимнов России и США // Ученые записки Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. 2019. Т. 5 (71), № 1. С. 200–217.
25. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический семиотический анализ. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012.
26. Данюшина Ю. В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / МГОУ. Москва, 2011.
27. Шань Ц. Мультимодальные средства речевого этикета в различных модусах русской и китайской коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / РУДН. Москва, 2024.
28. Stöckl H. Linguistic multimodality – multimodal linguistics: A state-of-the-art sketch // Multimodality: Disciplinary Thoughts and the Challenge of Diversity / Wildfeuer J. et al. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2019. P. 41–68.
29. Мультимодальность в коммуникативной ситуации / Ж. Е. Вавилова, А. Ф. Хусаинов, Д. Д. Якубова, А. В. Паркалов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (65). Ч. 1. С. 49–52.
30. Sebastian Junger & Ken Harbaugh – “Against All Enemies” & Protecting Democracy // The Daily Show. YouTube. 05.04.2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QqE3dsgC4sE> (дата обращения: 22.09.2024).
31. Белоедова А. В., Кожемякин, Е. А. Мультимодальная коммуникация в фокусе исследовательской рефлексии: проблемно-ориентированный подход // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 54–70. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-2-54-70.
32. Мультимодальность. Базовые принципы, способы исследования и методы анализа. Проблемно-ориентированное введение / И. С. Дегтева, Дж. Бейтман, Дж. Уилфред, Т. Хиппала // МЕТОД. 2019. № 9. С. 92–97.
33. Сорокина Ю. В. Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76), ч. 1. С. 168–170.
34. Филиппова Е. В. Специфика персонифицированного публичного выступления в коммуникативной среде интернета // Медиалингвистика. Речевые жанры в массмедиа. 2014. № 3. С. 217–220.
35. Кленова Е. А. Языковая объективация жанра англоязычной сетевой кинорецензии: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2024.
36. Степанова Н. В. Перспективы критических исследований различных типов дискурса. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021.
37. Гриценко Л. М. Особенности виртуального дискурса // Молодой ученый. 2011. Т. 2, № 6 (29). С. 17–20.
38. Рясина М. А. Стратегии политического медиа-дискурса (на материале электронных СМИ ФРГ): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Самарский гос. ун-т. Самара, 2014.
39. Ванько Т. Р. Реализация субъективной модальности в синтаксисе политического онлайн-медиа-дискурса // Вестн. МГЛУ. Сер. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 39–45. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_3_871_39.
40. Житарюк М. Г. Социокультурные спектры новых медиа // Медиалингвистика. Речевые жанры в массмедиа. 2014. № 3. С. 187–191.
41. Каминская Т. Л. Блогер как актор развития онлайн-журналистики // Медиалингвистика. Речевые жанры в массмедиа. 2014. № 3. С. 191–193.

Информация об авторах.

Степанова Наталия Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, стилистика, межкультурная коммуникация, теория перевода.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.09.2024; принята после рецензирования 30.10.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.

REFERENCES

1. Sulina, O.V. (2014), "Political mediadiskurs as an element of the discursive space", *Vestnik VSU. Ser. Philology. Journalism*, no. 1, pp. 217–222.
2. Gun'kov, D.E. (2022), "Discursive personality of an American political commentator and radio host", *UNECON*, SPb., RUS.
3. Stepanova, N.V. and Kurganskaia, E.V. (2024), "Mediapolitical Discourse: Concepts and Framework", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-86-99.
4. Orlova, O.G. (2020), "Genres of political media discourse", *Russian J. of Media Studies*, no. 7, pp. 56–73. DOI: 10.17223/26188422/7/4.
5. Maryanchik, V.A. (2011), *Media-politicheski tekst: stsenarii, normy, stereotipy* [Media and political text: scenarios, norms, stereotypes], Pomorskii un-t, Arkhangel'sk, RUS.
6. Remchukova, E.A. and Apostolidi, A.A. (2018), "Small-format 'news flow' mediatexts in the focus of linguistics: genre and language peculiarities", *RUDN J. of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 9, no. 3, pp. 651–668. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668.
7. Maryanchik, V.A. (2013), "Axiological structure of a media-political text (linguistic and stylistic aspect)", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, NArFU, Arhangel'sk, RUS.
8. Sukhanov, Yu.Yu. (2017), "Specificity of political discourse", *Philology. Theory & Practice*, no. 5-1, pp. 147–149.
9. Zheltuhina, M.R. (2007), "About the content of mass media discourse", *Visnik LNU imeni Tarasa Shevchenka*, no. 11 (128), part 1, pp. 27–40.
10. Ivanova, S.V. (2008), "Political media discourse in the focus of linguo-cultural studies", *Political Linguistics*, no. 1 (24), pp. 29–33.
11. Shiryayev, N.S. (2017), "Communicative strategies for representing national identity in political media discourse", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, SSU, Saratov, RUS.
12. Karasik, V.I. (2000), "About the types of discourse", *Yazykovaya lichnost : institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Linguistic personality : institutional and personal discourse], Peremena, Volgograd, RUS.
13. Lipiridi, S.H. (2020), "Axiological field of tourist discourse (based on the English neologisms)", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical Univ.*, no. 2, pp. 206–212.
14. Maryanchik, V.A. (2015), "Axiological potential of a media-political text's form", *Vestnik NSU. Ser. History and Philology*, vol. 14, iss. 6: Zhurnalistska, pp. 151–156.
15. Efimenko, T.N. (2019), "Assessment manifestation in media and political discourse", *Bulletin of Moscow Region State Univ. Ser. Linguistics*, no. 5, pp. 29–39. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-29-39.
16. Zheltukhina, M.R. (2016), "Modern media discourse and media culture of influence", *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, no. 4, pp. 154–159.
17. Wodak, R. (2015), *The Politics of Fear. What Right-Wing Populist Discourses Mean*, Sage Publications Ltd, London, UK. DOI: 10.4135/9781446270073.

18. Grishaeva, L.I. (2015), "How does informing turn into manipulating in media discourse?", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Humanities*, no. 6 (617), pp. 179–190.
19. Ismailova, O.I. (2019), "Linguistic means of realization of destructive speech strategies in Russian and British political media discourse", *Political Linguistics*, no. 3 (75), pp. 54–59. DOI: 10.26170/pl19-03-06.
20. Dobrosklonskaya, T.G. (2014), "Political media discourse within the context of discourse studies", *Yazyk i sotsial'naya dinamika*, no. 14-1, pp. 106–115.
21. Peskova, E.N. (2015), "Media communication and media discourse: approaches to the definition, structure and function", *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, no. 2 (16), pp. 26–31.
22. Egorchenkova, N.B. (2014), "Strategic potential of multimodal interaction in media-political discourse", *Tomsk State Univ. Ser. Philology*, no. 5 (31), pp. 24–37.
23. Rusakova, O.F. and Gribovod, E.G. (2014), "Political media discourse and the mediatization of Politics as concepts of Political Communication", *Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS*, vol. 14, iss. 4, pp. 65–76.
24. Jakoba, I.A. (2019), "The Russian and the USA anthems multimodality mechanisms modelling", *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal Univ. Philological sciences*, vol. 5 (71), no. 1, pp. 200–217.
25. Saduov, R.T. (2012), *Fenomen politicheskogo diskursa Baraka H. Obamy: lingvokul'turologicheskii i semioticheskii analiz* [The phenomenon of political discourse by Barack H. Obama: linguistic and cultural semiotic analysis], RIC BashSU, Ufa, RUS.
26. Danyushina, Yu.V. (2011), "Multilevel analysis of English-language online business discourse", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, MSOU, Moscow, RUS.
27. Shan', C. (2024), "Multimodal means of speech etiquette in various modes of Russian and Chinese communication", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, RUDN, Moscow, RUS.
28. Stöckl, H. (2019), "Linguistic multimodality – multimodal linguistics: A state-of-the-art sketch", *Multimodality: Disciplinary Thoughts and the Challenge of Diversity*, Wildfeuer, J. et al. (eds.), De Gruyter. Berlin, GER. P. 41–68.
29. Vavilova, Zh.E., Khusainov, A.F., Yakubova, D.D. and Parkalov, A.V. (2016), "Multimodality in communicative situation", *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Theory & Practice*, no. 3 (65), part 1, pp. 49–52.
30. Sebastian Junger & Ken Harbaugh – "Against All Enemies" & Protecting Democracy"" (2024), *The Daily Show. YouTube*. 05.04.2024, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=QqE3dsgC4sE> (accessed 03.05.2024).
31. Beloedova, A.V. and Kozhemyakin, E.A. (2022), "Multimodal Communication in the Focus of Research Reflection: a Problem-Oriented", *Critique and Semiotics*, no. 2, pp. 54–70. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-2-54-70.
32. Degteva, I.S., Bateman J., Wildfeuer J. and Hiippala, T. (2019). "Multimodality: Foundations, Research and Analysis – A Problem-Oriented Introduction", *Method*, no. 9, pp. 92–97.
33. Sorokina, Yu.V. (2017), "Notion of multimodality and issues of multimodal lecture discourse analysis", *Philology. Theory & Practice*, no. 10 (76), part 1, pp. 168–170.
34. Filippova, E.V. (2014), "Specifics of personalized public speaking in the communicative environment of the Internet", *Media Linguistics*, no. 3, pp. 217–220.
35. Klenova, E.A. (2024), "Language Objectivation of the English Genre Network Film Review", UNECON, SPb., RUS.
36. Stepanova, N.V. (2021), *Perspektivy kriticheskikh issledovaniy razlichnykh tipov diskursa* [Prospects for critical studies of different types of discourse], ETU Publishing house, SPb., RUS.
37. Gritsenko, L.M. (2011), "Features Of Virtual Discourse", *Young Scientist*, no. 6 (29), vol. 2, pp. 17–20.
38. Ryasina, M.A. (2014), "Strategies of political media discourse (based on the material of electronic media in Germany)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, SSU, Samara, RUS.
39. Vanko, T.R. (2023), "Realization of Subjective Modality in the Syntax of Political Online Media Discourse", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Ser. Humanities*, iss. 3 (871), pp. 39–45. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_3_871_39.

40. Zhitaryuk, M.G. (2014), "Sociocultural spectra of new media", *Media Linguistics*, no. 3, pp. 187–191.
41. Kaminskaya, T.L. (2014), "Blogger as an actor in the development of online journalism", *Media Linguistics*, no. 3, pp. 191–193.

Information about the author.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology, 2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 50 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, intercultural (cross-cultural) communication, translation theory.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.09.2024; adopted after review 30.10.2024; published online 20.02.2025.*